

Гайденко Павел Иванович

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ МИРЯН К МОНАШЕСТВУ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI-XIII ВВ.)

Традиционно принято считать, что социальный статус древнерусского духовенства и монашества в восточно-славянском обществе был высок. Но знакомство с источниками позволяет заключить, что ситуация была сложней. Нередко иноки оказывались совершенно незащитными перед жестокостью толпы. Нельзя исключать того, что такому развитию событий способствовало поражение социального статуса человека при принятии им монашеских обетов. В рамках представленной статьи предложен анализ отношений между иноками и низшими слоями древнерусского населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 40-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

IN SEARCH FOR MINISTER OF AGRICULTURE: CENTRAL APPARATUS OF AGRICULTURAL DEPARTMENT IN THE EPOCH OF ALEXANDER III (1881-1894)

Voronov Ivan Ivanovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Yaroslavl State Agricultural Academy
Ivan.voronov@mail.ru

The article analyzes in detail Emperor Alexander III's search for a statesman, who could lead the reformation of the agrarian sector of Russian economy. The complicated process of reorganizing the Ministry of State Assets into the Ministry of Agriculture and State Property is analyzed against the background of the personalities of the department. In addition to the qualities essential to achieve the Emperor's goal the author on the basis of autobiographical sources characterizes career aspirations of the ministers, their managerial style, individual personality traits.

Key words and phrases: Alexander III; N. P. Ignatyev; M. N. Ostrovsky; A. S. Yermolov; officials; Ministry of Agriculture.

УДК 94(47)"988/1240"

Исторические науки и археология

Традиционно принято считать, что социальный статус древнерусского духовенства и монашества в восточно-славянском обществе был высок. Но знакомство с источниками позволяет заключить, что ситуация была сложнее. Нередко иноки оказывались совершенно незащищенными перед жестокостью толпы. Нельзя исключать того, что такому развитию событий способствовало поражение социального статуса человека при принятии им монашеских обетов. В рамках представленной статьи предложен анализ отношений между иноками и низшими слоями древнерусского населения.

Ключевые слова и фразы: Киевская Русь; Древняя Русь; история Русской Церкви; древнерусское монашество; монашество; история повседневности домонгольской Руси.

Гайденко Павел Иванович, д.и.н., доцент
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
paul08kaz@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ МИРЯН К МОНАШЕСТВУ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI-XIII ВВ.)©

При всей кажущейся изученности вопросов монашеской жизни в домонгольской Руси, многие стороны иноческого быта остаются вне внимания исследователей. Это касается как проблем социально-политической истории и канонического права, так и вопросов, связанных с повседневностью древнерусского монастыря. Примером подобного состояния дел вполне может рассматриваться такой аспект иноческой жизни, как отношения, складывавшиеся между монашеством и мирянами. Особенно интересно, как относились к монахам «обычные» или «не совсем обычные» представители городского и сельского населения Руси. Решение этой задачи позволило бы более точно определить место, отводившееся современниками иночеству в жизни древнерусского государства и «общества», и какую в результате нишу занимало иночество в иерархии социальных и политических институтов Руси. Заявленная проблема крайне сложна, поскольку отношение мира к монастырю и иночеству проявлялось не только во время личных или социальных конфликтов, но и в разнообразных обыденных поступках и действиях, призванных поддержать, одобрить, поучаствовать в деятельности обители и в монашеском подвиге или же наоборот, каким либо способом помешать иноческим трудам.

То, что в повседневной жизни монахи поддерживали общение не только с представителями высших слоёв, но и низами общества, не вызывает сомнения. Складывавшиеся связи в известной мере зависели от множества факторов, например, социального происхождения, жизненного опыта, степени личных и духовных совершенств иноков. Немаловажным было и то, с каким населением монахам приходилось иметь дело: с городским или с сельским, со знатым или нет и т.д. Число этих субъективных и объективных факторов, отражавших как личные качества вступающих в общение лиц, так и независимые от них обстоятельства эпохи, значительно. Наконец, важным условием возникавших связей были степень и форма религиозности тех или иных мирян, как, впрочем, и поведение самого монашества. Всё перечисленное позволяет утверждать, что и возникавшие между миром и иночеством отношения также отличались разнообразием и неоднозначностью, а необъятность заявленной проблемы вынуждает нас ограничить предпринимаемые наблюдения не всем обществом Древней Руси, а лишь его наибольшей частью, зависимыми слоями.

Традиционно принято считать, что древнерусское население как будто бы весьма высоко оценивало институт иночества, оказывая ему своё почтение [23, с. 25]. Между тем сообщения древнерусских источников не дают основания для подобной умиленной оценки.

При анализе отношений, складывавшихся между «простым» населением и монашеством, несомненную ценность представляют как летописные, так и агиографические свидетельства. Учитывая, что в XI-XIII вв. русская

житийная литература ещё не испытывала излишнего давления штампов агиографического жанра, древнерусские житийные и патериковые рассказы во многом сохранили историческую канву событий и биографий.

Сообщения источников позволяют говорить о несомненно тёплых и даже близких отношениях монашества с высшими слоями древнерусского общества [15]. Однако в отношении связей, возникавших между монашеством и городским людом, данная оценка неприменима. Наиболее наглядно и остро заявленная проблема наблюдается в целом ряде историй: во-первых, в истории страданий Авраамия Смоленского; во-вторых, в истории призвания в 1113 г. Владимира Мономаха на киевский стол и, в-третьих, в истории трагической гибели князя-инока Игоря. Уже первый из упомянутых случаев интересен и показателен.

Смоленский монах Авраамий прославился среди жителей города и духовенства не только праведностью строгой жизни, но и какими-то взглядами, вызвавшими раздражение у части священства и местного епископа. В возникшем конфликте для нас интересно то, как отнеслись к монаху горожане, которые, казалось бы, должны были с сочувствием отнестись к нестяжательному праведнику, которого подвергли аресту. Дело было вынесено на рассмотрение епископского суда. Однако в итоге обвинённый церковными властями в какой-то ереси Авраамий не только не получил поддержки от людей, но и подвергся от смоленской толпы поруганию. Этот монах, мучения которого составитель жития отождествлял со страданиями Христа, претерпел на пути к месту суда издевательства и оскорбления от горожан, требовавших для святого страшных казней: пригвождения к стене, сожжения или же утопления [7, с. 42, 43]. Для средневековья, как и для более поздних эпох, и Русь в этом отношении не была исключением, публичный суд и смертная казнь обладали высокой социальной значимостью и считались по меньшей мере достопамятными событиями, разбавлявшими рутину жизни и приносящими в течение дел некую живость красок и разнообразие эмоций [21]. В Древней Руси «суд представлял массовое действо» [20, с. 305]. И очевидно, для жителей Смоленска публичное разбирательство дела инока, споры о котором собрали всю политическую верхушку города во главе с князем, боярами, епископом и игуменами, было значимым событием. Правда, в данном случае интересно иное. Авраамий, судя по всему, был хорошо известен горожанам, но подвергся от них незаслуженным унижениям ещё до объявления судебного решения. Толпа не проявила к иноку во время его прохода через город на двор митрополита не только уважения, но даже минимального участия и милосердия.

Не менее показательны киевские события 1113 года. Настаивая на вступлении Владимира Мономаха на киевский стол, организаторы городского восстания, вспыхнувшего вскоре после смерти Святополка Изяславича, предупреждали переяславского князя: «пойди княже Киеву <...> аще ли не поидеши <...> то веси яко много зло оудвигнеться <...> то ти не Путятинъ дворъ ни соцькихъ <...> но и Жиды грабити <...> и паки ти поидуть <...> на ятровь твою и на бояры <...> и на монастыре <...> и будеши ответъ имель княже <...> оже ти монастыре разъграбять» [18, стб. 276]. Несомненно, это политический шантаж и одновременно хорошо продуманные шаги организаторов политического переворота [10, с. 73]. Однако нас привлекает иное. Судя по рассказу, толпу можно было легко направить на разграбление обителей. Более того, она действовала по правилам вечевого суда, память о котором, по-видимому, была жива в городских кругах [12, с. 383-444; 14, с. 221; 24, с. 92-93; 32, с. 64-104]. В свою очередь, это создавало определённую напряжённость и даже конкуренцию в установлении отношений между вечевыми институтами и княжеской властью, что в целом вписывается в характерную для данного периода дуалистическую проблему соотношения княжеского и «народного» права, распространявшего в некоторых случаях свою «юрисдикцию» и на князей [1, с. 311-316; 19, с. 182-183, 428]. Так что во время киевских мятежей 1113 и 1147 гг. в понимании современников вечевые решения, пусть и не бесспорно, могли рассматриваться как тождественные судебным. В случае вечевого решения разграбление имущества преступников или тех, кого таковыми признавали, становилось морально оправданным и воспринималось толпой как законное [4, с. 243-253; 11, с. 141-147]. Во всяком случае, с начала XII в. мы не знаем ни одного убедительного доказательства того, чтобы, например, после подавления или прекращения киевских мятежей участники разграбления и изгнания правителей Киева и близких им лиц несли ответственность за свои решения и поступки. Судя по всему, князья были вынуждены признавать подобные экстраординарные решения городских сходов или по меньшей мере мириться с ними. Пожалуй, единственный случай, когда горожане понесли ответственность за учинённые ими погром и разграбление, – события 1069 г. В то лето сын вернувшегося из Польши Изяслава Ярославича, Мстислав, казнил 70 киевских мужей, повинных в изгнании Изяслава с отчего стола и разграблении княжеского двора во время киевского волнения 1068 г. [18, стб. 160-162, 163].

Возвращаясь к проблеме разграбления родовых княжеских обителей, приходится заметить: даже если принять во внимание то обстоятельство, что монастырское имущество и после его передачи в руки иноков нередко продолжало рассматриваться как собственность жертвователя или донатора [30, с. 117; 31, с. 50-53], что в известной мере «извиняло» грабителей, религиозность киевских горожан, настроениями которых легко манипулировали зачинщики мятежа, несомненно, обладала удивительной специфичностью.

Ещё более драматичны обстоятельства следующего городского бунта 1147 г., в результате которого был жестоко убит князь-инок Игорь. Монахи, как это рисует летописный рассказ, при приближении разгневанных киевлян к Феодоровскому монастырю, в котором укрывался Игорь, скорее всего, предпочли предосторожно оставить родную обитель. Подробно описывая бесчинствующую толпу и участников расправы, летописец не увидел среди свидетелей происходящего только одну категорию населения, о которой непременно должны были бы упомянуть, – насельников обители святого Феодора. Единственным защитником обречённого Игоря и его последней земной опорой на пустом монастырском дворе оставался князь Владимир [18, стб. 349-351]. Столь же нелицеприятным рисуется и завершение мятежа. Перенесённое в Михайловскую церковь тело князя-инока продолжало там лежать нагое и без отпевания, пока в дело

не вмешался митрополит [Там же, стб. 354]. Такое поведение монашества, как и безучастность клира Михайловской церкви, недвусмысленно указывают, что сами иноки имели ясное представление о степени того «уважения», какое к ним в действительности испытывало население Киева, и догадывались о последствиях встречи с местной толпой. Именно этим можно объяснить исчезновение во время погрома с улиц города, а также со дворов княжеских храмов и ктиторских монастырей Феодора и Михаила монахов и духовенства. Правда, летописное сообщение о совершённой расправе не позволяет утверждать, что гнев горожан обрушился на все обители Киева без исключения. Но уже то, что ни один церковный иерарх не посмел выйти к толпе, митрополит озаботился о теле (и вспомнил душе) убитого Игоря только после окончания волнений, а пришедший отпевать князя-инока игумен действовал не по личной инициативе, а по воле первосвященника, позволяет заключить, что духовенство и монашество города, безусловно, пережило испуг и пребывало в страхе. Если вспомнить, что годом ранее вступление на киевский стол свергнутого Игоря Изяслава завершилось разграблением монастырей, поддержавших Ольговичей [13, с. 83; 18, стб. 328], испуг и дальнейшее поведение иноков и церковной иерархии становится совершенно понятным [18, стб. 327].

Неоднозначность складывавшихся между горожанами и иночеством отношений хорошо просматривается в историях Печерского монастыря. Житие Феодосия Печерского сохранило несколько примечательных сюжетов, наглядно рисующих отношение незнатного населения к монашеству.

Как-то раз, посещая князя Изяслава, игумен припозднился. Желая помочь прославленному подвижнику, князь распорядился, чтобы Феодосия отвезли на телеге в монастырь. Но возничий не знал, кого везёт, к тому же преподобный игумен был одет крайне скромно. В итоге княжеский холоп заставил игумена, которого принял за бедного инока, самого управлять лошадью, а сам лёг на телегу и проспал всю дорогу. Только утром, увидев, как проезжающие и проходящие мимо игумена бояре и знатные люди кланялись Феодосию, испуганный возничий взялся за своё дело. Примечательно, что житийный рассказ не упомянул о том, чтобы возничий принёс свои извинения. Рассказ доносит только об испуге княжеского отрока и о том, что монахи монастыря узнали о произошедшем не от игумена, а от незадачливого возничего [8, с. 344-347].

Присутствие множества сюжетных деталей создаёт крайне живую картину произошедшего. И из обилия незначительных и, казалось бы, несущественных для общего смысла повествования мелочей возникают следующие выводы. Во-первых, наглое поведение возничего обнаруживает, что тот был уверен в безнаказанности своего поведения в отношении монаха. Во-вторых, Феодосия узнавала знать, но он оказался неизвестным для княжеского слуги. А значит, возничий, скорее всего, не посещал монастырь, считая насельников обители бездельниками, пренебрегающими работой и полезными занятиями. В-третьих, о чём уже было сказано, отрок не раскаялся, и его поведение, по-видимому, отражало общее мнение незнатного населения о монастыре. Очевидно, единственное, что повлияло на поведение княжеского слуги, так это испуг, вызванный опасностью быть наказанным.

Примечательно, что и Даниил Заточник, кем бы он ни был, реальным лицом или литературным персонажем, воплотившим в себе «чаяния века», рассматривая различные варианты выбора своей судьбы и от всей души мечтая о холопстве у князя, отвергал не только службу у боярина, но и уход в монастырь [5]. Последнее объяснялось нравственными несовершенствами монашества («ангельский имея на себе образ, а блядин нрав») и церковной иерархии в целом [Там же].

При всех идеалах смирения, культивируемых в иночестве [6, с. 267-294; 27, с. 658-667], было бы ошибкой упустить одно важное обстоятельство: тесную связь иночества и духовенства XI-XII вв. с дружинной и княжеской средой. Более того, многие из монахов до принятия обетов были представлены мужами и немалая часть из них до облачения в одежды смирения входила в ближайшее окружение местных и великих князей. Среди таких иноков: сами Антоний и Феодосий, Моисей Угрин, Григорий Чудотворец, Еразм, Арефа, Евстратий Постник, Ефрем и многие другие [9]. Так или иначе, но все монахи домонгольской Руси, чьи истории прослеживаются, происходили по меньшей мере из свободного населения. История домонгольской Руси, кажется, не приводит ни одного примера того, чтобы пришедший в обитель в XI-XII вв. человек был жителем села, чьим-то закупом, бесправным слугой, холопом или смердом. Более того, и по принятии обетов немалая часть из них продолжала обладать остатками имущества и существенными материальными средствами. В итоге столь неуважительное поведение возничего поражает осознанием им безнаказанности своих действий в отношении инока. Последнее обстоятельство приводит к выводу, что в глазах населения уход в монастырь и принятие монашеских обетов приводили человека к серьёзному поражению в его правах и безусловному снижению социального статуса. Поэтому господствующее в историографии мнение о том, что в домонгольской Руси священнослужители и иноки пользовались защитой того социального слоя, из которого они происходили [15, с. 48-49], требует если не пересмотра, то непременно уточнения. Если высказанное предположение об изменении статусных позиций людей, вступавших на путь иноческого подвига, верно, тогда становится понятно, почему преступления против монахов в обозначенный временной период так и не получили никакой правовой оценки в древнерусском каноническом праве.

Впрочем, и игуменский сан не всегда мог защитить своего обладателя от угроз со стороны городского населения. События значительно более позднего времени, смены новгородских юрьевских архимандритов в 1230 и 1337 гг., закончившиеся для игуменов весьма трагично, были результатом гнева горожан, никак не ограничивавших себя в действиях и словах, оскорблявших, унижавших и угрожавших чести, здоровью и жизни настоятелей обители [17, с. 70, 347-348; 33, с. 167].

Не так просты были отношения между нижними слоями восточнославянского общества и монахами, даже если последние были аскетами. Житие Феодосия Печерского и сказания Печерского монастыря, стремясь продемонстрировать смирение преподобного игумена и его насельников [28, с. 64], приводят несколько примеров

того, как обитель, собственность её насельников и даже принадлежавшие монастырю сёла подвергались нападению разбойников [8, с. 354, 355, 362, 363, 376, 377; 9, с. 386-389, 406-410]. Причём значительная часть этих нападений, совершённых в период игуменства преподобного Феодосия, как заметил М. Н. Тихомиров, выпадают на беспокойное время княжения Изяслава Ярославича [26, с. 107-108]. В условиях Древней Руси воровство и разбой – тяжелейшие злодеяния, допускавшие в отношении преступника, застигнутого на месте совершения им преступления, самосуд, убийство «как пса» [3, с. 112-137; 16, с. 314-331; 25, с. 370 [п. 40]]. Более того, даже для раскаявшегося вора доступ к священству был закрыт навсегда [2, стб. 46 [Кирик. 83]]. Однако история раннего периода Печерского монастыря не знает ни одной тяжбы, касающейся монастырского имущества, или обращения иноков к правовой защите перед нависавшими над обителью и её насельниками угрозами утраты какой-либо вообще собственности. Единственный пример тяжбы касался Новгорода, истории Антония Римлянина [22, с. 259-263]. Но в Печерских сказаниях всё иначе. Всякий раз «в минуты нужды» братия и её люди спасались молитвами Феодосия, а не силой княжеского наказания, что удачно и весьма точно подметил Г. П. Федотов [29, с. 118]. Так, перед разбойниками, пробовавшими войти в сельский двор, выростала стена, а монастырский храм на глазах грабителей вдруг наполнялся пением или возносился над землёй [8, с. 352-355, 362, 363]. Отказ монахов от борьбы за свою безопасность и целостность своего имущества, как нам видится, был не только результатом строгого следования монашеским идеалам, но и, вероятно, отражал особенность правового сознания, не предполагавшего сурового (смертного) наказания за «церковную татьбу», то есть воровство, совершённое в церкви или у её представителей и институтов [20, с. 190]. Правда, не совсем понятно, как оценивалось в описываемый период покушение на монастырскую собственность, а также имущество инока или представителя духовенства: как похищение церковной собственности, собственности ктитора или собственности конкретного инока как «частного» лица, насколько это употребимо по отношению к средневековым реалиям, в которых человек не мог существовать вне корпорации или социального слоя.

Таким образом, можно заключить, что отношение «обычного», зависимого и полузависимого населения к монашеству едва ли верно характеризовать как безусловно уважительное и почтительное. Учитывая, что данное качество социальных оценок отмечено в древнерусских источниках, авторами которых были сами иноки, справедливо сделать вывод, что в церковной и монастырской среде обозначенное обстоятельство хорошо осознавалось и принималось как некая данность. Иной вопрос: чем было вызвано описанное? Сомнительно, чтобы причины наблюдаемого неприятия и непонимания нижними социальными слоями населения монашествующих сводились исключительно к проблеме взаимного неприятия «эксплуататоров и эксплуатируемых», как это традиционно представляет историческая литература. Нередко монахи были бедны и трудились наравне со смердами принадлежавших обители сёл. Поэтому, возможно, одной из причин происходящего становилась утрата свободным человеком при принятии монашеских обетов своего прежнего социального статуса, что и порождало к нему со стороны населения непростое отношение. Однако поиск ответов на сформулированную проблему требует более детального исследования.

Список литературы

1. Викул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.
2. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археологической комиссией: в 39-ти т. СПб., 1880. Т. 6. Памятники канонического права. Ч. 1. Памятники XI-XV в. Стб. 21-62.
3. Георгиевский Э. В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 232 с.
4. Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с.
5. Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника [Электронный ресурс] // Казус. 2002. № 4. URL: <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).
6. Дорофеева Л. Г. Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века): монография // Герменевтика древнерусской литературы: сборник / РАН; ИМЛ РАН; отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. Вып. 16-17. С. 9-388.
7. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5. XIII век. С. 30-65, 456-459.
8. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392, 456-458.
9. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. Т. 4. XII век. С. 296-489, 641-667.
10. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2006. 1024 с.
11. Лукин П. В. Вечевые расправы в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье: политические институты и верховная власть: XIX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (г. Москва, 16-18 апреля 2007 г.): материалы конф. / редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 141-147.
12. Лукин П. В. Новгородское вече / ИРИ РАН. М.: Индрик, 2014. 608 с.
13. Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси. XI-XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. 118 с.
14. Малиновский И. А. Лекции по истории русского права / под ред. В. А. Попелюшко. М.: Юрлитинформ, 2015. 696 с.
15. Мусин А. Е. Milites christi Древней Руси: воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 368 с.
16. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М.: Юрлитинформ, 2011. 408 с.
17. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 3. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. XII+720 с.
18. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с.

19. Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
20. Рубаник В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М.: Юрлитинформ, 2013. 352 с.
21. Сериков А. Е. Казнимое тело: семантика видов смертной казни [Электронный ресурс] // *Mixtura verborum* 2010: тело и слово: философский ежегодник. Самара: Изд-во Самарской гум. акад., 2010. URL: <http://www.academia.edu/3841291/> (дата обращения: 10.09.2015).
22. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233-272.
23. Смолч И. К. Русское монашество 988-1917. Жизнь и учение старцев. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 1999. 608 с.
24. Ступникова Н. Н. Формирование публично-правовых институтов в период становления государства в Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.
25. Суд Ярославль Володимирчъ. Правда руськая // Зимин А. А. Правда русская / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Древнехранилище, 1999. С. 366-380.
26. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42-232.
27. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2-х т. М.: Гнозис; Языки русской культуры, 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси. 875 с.
28. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / предисл. Д. С. Лихачёва и А. В. Меня. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
29. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Мартис; Sam&Sam, 2001. Т. 10. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. / примеч. С. С. Бычкова. 382 с.
30. Филиппов В. Г. К вопросу об источниках материального обеспечения древнерусских монастырей // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). С. 115-123.
31. Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. 528 с.
32. Чебаненко С. Б. Основные черты вечаевого правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. 2013. № 2. С. 64-104.
33. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

ON THE ISSUE OF LAYMEN'S ATTITUDE TO THE MONKHOOD IN EARLY RUS (THE XI-XIII CENTURIES)

Gaidenko Pavel Ivanovich, Doctor in History, Associate Professor
Kazan State University of Architecture and Engineering
paul08kaz@rambler.ru

It is commonly adopted that the social status of the early Rus clergy and monkhood in the Eastern Slavonic society was high enough. Yet the knowledge of sources allows concluding that the situation was more complicated. Often the monks appeared to be quite unprotected before the cruelty of the crowd. We should not ignore the fact that the defeat of the social status of a human being when making his monastic vows contributed to such a scenario. Within the framework of the paper the author provides an analysis of the relations between the monks and the lower strata of the Old Russian population.

Key words and phrases: Kievan Rus; early Rus; history of Russian Church; Old Russian monkhood; monkhood; history of everyday life of pre-Mongolian Russia.

УДК 1:165.12

Философские науки

В статье предпринят философский анализ феномена экзистенциализации гносеологии на примере формирования герменевтического метода, послужившего во многом основанием для развития гуманитарной методологии вследствие непроницаемости «наук о духе» для естественнонаучного метода. Основное внимание автора направлено на методологическую проблему смещения философского дискурса в область исследования статуса внутреннего бытия человека в контексте научного познания как поиска аутентичности «живого» познавательного опыта субъекта.

Ключевые слова и фразы: познание; экзистенциализация; переживание; «дисциентизация»; герменевтика; метод; смысл; значение; «живой» опыт.

Гончаров Николай Владимирович

Оренбургский государственный университет
nik567485@mail.ru

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА КАК ОСНОВЫ ГУМАНИТАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА АУТЕНТИЧНОСТИ «ЖИВОГО» ОПЫТА ПОЗНАНИЯ©

Сегодня с уверенностью можно говорить о формировании в современной эпистемологии нового тренда, ангажированного социокультурной и экзистенциальной тематикой. В такой эпистемологии субъект позиционируется